

Е. Ю. Омельницкая

**Дом в системе пространственных мотивов М. Е. Салтыкова-Щедрина
(на материале произведений 1880-х гг.)**

Статья посвящена определению места мотива дома в системе пространственных мотивов М. Е. Салтыкова-Щедрина. На примере произведений, созданных сатириком в 80-е гг. XIX в., автор прослеживает связи между мотивом дома и иными пространственными мотивами, характерными для художественной системы писателя.

Ключевые слова: пространственный мотив, система, М. Е. Салтыков-Щедрин, дорога, тюрьма, граница, гроб, десакрализация, деформация, «райский» сад.

E. Ju. Omelnitskaya

**Home in Saltykov-Shchedrin's System of Spatial Motifs
(on the material of works of the 1880-s)**

The article is devoted to the place of the motif of home in Saltykov-Shchedrin's system of spatial motifs. The author analyses the works written in the 80-s of the XIX century and traces the connection between the motif of home and other spatial motifs in Saltykov-Shchedrin's works.

Keywords: a spatial motif, a system, M. E. Saltykov-Shchedrin, a way, a prison, boundary, a coffin, desacralization, deformation, "Paradise" garden.

Одним из наиболее известных писателей, обравившихся в 80-е гг. XIX в. к теме разрушения непреложных семейных ценностей, был М. Е. Салтыков-Щедрин. В своих произведениях сатирик описывал постепенно разрушающийся мир старых дворянских усадеб и деградацию помещичьего класса, которая особенно ярко проявилась через показанный в романах и очерках писателя распад семейно-родственных отношений и отторжение героев от того, без чего невозможно представить жизнь человека – от родного дома.

Статья посвящена определению места мотива дома в системе пространственных мотивов М. Е. Салтыкова-Щедрина. В рамках статьи мы обратимся к функционированию мотива дома в таких произведениях писателя, как «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина». Нам необходимо понять, как мотив дома взаимодействует с другими пространственными мотивами произведений писателя – мотивами гроба, тюрьмы, сада, дороги и границы.

Вначале обратимся к традиционной семантике мотива дома. Дом являлся важным пространственным мотивом и был противопоставлен окру-

жающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Пространство дома («родового гнезда») считалось безопасным, и находившийся внутри него человек был полностью защищен от всех неблагоприятных воздействий [7, с. 168]. Содержание, приписываемое освоенному пространству, и в частности дому, наиболее адекватно описывается с помощью таких категорий, как свое, близкое, принадлежащее человеку [1, с. 25]. В книге «Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте» Ю. В. Доманский обратил внимание на схожую с оппозицией «внутренний – внешний» оппозицию «дом / вне дома». Исследователь писал: «архетипическое значение оппозиции «дом / вне дома» можно представить следующим образом: дом являет собой некий космос, в котором человек чувствует себя хорошо, уютно, счастливо, а пространство вне дома представляется как хаос» [2].

В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина мы сталкиваемся с переосмыслением традиционного значения мотива дома. В произведениях писателя мы видим постепенное разрушение того, что раньше казалось незыблемым – пространства дворянской усадьбы. Так, мы можем наблюдать

мотив ветхого, разрушающегося жилья. Например, дом рассказчика из «Благонамеренных речей» описывается следующим образом: «Громадный барский дом стоял без окон, словно инвалид без глаз. Стены почернели, красная краска на железной крыше частью выгорела, частью пестрила ее безобразными пятнами; крыльцо обвалилось; внутри дома – пол колебался, потолки частью обрушились, частью угрожали обрушением» [4, с. 162].

Деформация пространства дома, которое согласно сложившимся канонам должно быть упорядоченным, структурированным, иметь крышу, приводит к размыванию **границы** между «своим» и «чужим» пространством. Нарушение этой границы влечет нежелательные последствия: происходит десакрализация до этого мыслящихся непреложными семейных ценностей, которая может выражаться в инверсии гендерных ролей (женщина выполняет «мужские» функции главы семьи), может приводить к постепенной нравственной деградации героя либо к его смерти.

В романе «Господа Головлевы» мы сталкиваемся с разрушением архетипической оппозиции «дом/вне дома». Размывание границы между «своим» и «чужим», опасным и безопасным пространством приводит к тому, что «чужим» и «опасным» становится как пространство внешнего мира, так и пространство дома. Герои, ушедшие из домашнего пространства, в скором времени либо погибают, либо возвращаются в родную усадьбу. Герои, оставшиеся в рамках домашнего пространства, подвергаются нравственной деградации и также погибают.

Интересно отметить, что в романе «Господа Головлевы» происходит процесс постепенного сужения пространства вокруг каждого из героев. Исследователь А. А. Жук писала по этому поводу: «Великий сатирик сумел соединить в этом романе, казалось бы, несоединимое. Он – почти по-гончаровски – “замкнул” Головлевых в их усадьбе, а в ней – в пределах собственного дома (да и в доме, как мы увидим, выделил им одну постоянную площадку действий). В то же время внутренняя жизнь героев в глубоком противоречии с этой внешней неподвижностью и замкнутостью исполнена крайностей, катастроф и “взрывов”, жестоких столкновений и отчаянной безудержности» [3, с. 202]. Примером, подтверждающим этот тезис, может служить поведение Порфирия Владимировича Головлева. Ранее достаточно свободный в пространственных перемещениях (какое-то время он даже служил в Петер-

бурге), Головлев под конец жизни сделался затворником и, оградившись от внешнего мира стенами собственного кабинета, начал пить. Внешне практически неподвижный, Порфирий Владимирович сильно изменяется внутренне – у последнего представителя головлевского рода происходит «пробуждение одичалой совести»: «И вдруг ужасная правда осветила его совесть, но осветила поздно, без пользы, уже тогда, когда перед глазами стоял лишь бесповоротный и непоправимый факт... К чему привела вся его жизнь? Зачем он лгал, пустословил, притеснял, скопидомствовал? Даже с материальной точки зрения, с точки зрения “наследства” – кто воспользуется результатами этой жизни? кто?» [6, с. 280–281].

По пространственной **схеме «огромный внешний мир – дом – кабинет (кровать) – гроб»** живут и другие персонажи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Перед уходящим из семейного «гнезда» героем разворачивается безграничное пространство внешнего мира, и герой свободен в выборе того, куда именно ему пойти: сестры Аннинька и Любинька, например, решают сделаться разъездными актрисами и путешествуют из одного города в другой, Степан становится солдатом и также достаточно мобилен в своих передвижениях. Однако позже выясняется, что все передвижения героев, все их путешествия сходятся в одной пространственной точке – семейной усадьбе, в которую каждый из них рано или поздно возвращается. При этом вернувшиеся в семейную усадьбу герои, несмотря на шаткость границы между «своим» и «чужим» пространством, имеют желание, но не имеют возможности из нее выйти. Они оказываются отрезаны от внешнего мира и теперь могут существовать лишь в одной пространственной точке – семейной усадьбе. Рамки семейной усадьбы для таких героев постепенно сужаются до тех пор, пока вокруг героя не останется минимальное необходимое ему для бытия или небытия пространство. В первом случае мы имеем дело с закрытым пространством, схожим с тюремной камерой (Аннинька), во втором случае – с пространством гроба (Степан).

Процесс сужения пространства до размеров **гроба** находит свое отражение и в других произведениях писателя – цикле очерков «Благонамеренные речи» и романе «Пошехонская старина». Герой «Благонамеренных речей» Павел Петрович Утробин начинал свою помещичью деятельность как рачительный хозяин, способный мгновенно

реагировать на малейшие общественные изменения. Однако деформация пространства его усадьбы, сопровождающаяся постепенным разрушением, ведет к нравственной деградации героя; все необходимое герою пространство сокращается до размеров его спальни; забросивший хозяйственные дела генерал отгораживается от мира и погружается в полубезумное состояние; цель его жизни теперь – сочинение притч, коих за 6 лет он написал всего две. В конце очерка мы видим, что пространство вокруг генерала сузилось до минимума – до размеров постели (по сути – смертного одра): «вечером того же дня он лежал в спальне, разбитый параличом» [4, с. 269].

Примером «**дома-тюрьмы**» в романе «Пошехонская старина» является усадьба Овсецово, характеризующаяся наличием четких границ и закрытостью: «Двор был пустынен по-прежнему. Обнесенный кругом частоколом, он придавал усадьбе характер острога... решетчатые ворота заперты...» [5, с. 118]. «Узником» этого замкнутого пространства является его бывший хозяин Николай Савельцев, потерявший былой статус и вынужденный жить под именем своего слуги. Гармоничные семейные отношения в рамках пространства-тюрьмы невозможны: жена Савельцева Анфиса в течение долгого времени пытается избавиться от него, чтобы получить право владения семейной усадьбой. Это семейное пространство схоже с пространством Головлевых – это «клетки», выйти из которых фактически невозможно.

Мотивы дома, тюрьмы и гроба в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина могут вступать в оппозицию по отношению к другому пространственному мотиву – **мотиву сада**. Подобный мотив присутствует в романе «Пошехонская старина». Сад, в отличие от дома, представляется в «Пошехонской старине» местом абсолютной свободы, раем, дарующим находящемуся в нем герою счастье и спокойствие. Он четко отделяется от «выморочных» десакрализованных семейных пространств (например, пространства Затрапезных) и составляет органичное целое с открытыми и упорядоченными пространствами (так, сад является частью семейного пространства Ахлопиных).

Таким образом, в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанных в 80-е гг., происходит существенная трансформация оппозиции «дом/вне дома»: дом превращается в «антидом», становится неупорядоченным «выморочным» пространством, не способным защитить своих

обитателей от негативных воздействий. Альтернативой подобному антидому становится упорядоченное пространство сада, внутри которого персонажи чувствуют себя свободными и защищенными и их жизнь не подвергается каким-либо отрицательным изменениям. Таким образом, архетипическая оппозиция «дом / вне дома» может трансформироваться в оппозицию «сад / дом», причем отрицательным членом оппозиции становится именно дом.

Многие герои М. Е. Салтыкова-Щедрина стремятся уйти из дома и выстраивать свою жизнь вне семейной усадьбы. Пересечение **границы** между «своим» и «чужим» пространством является показателем смены статуса героя и знаменует его духовное взросление и переход на иной уровень (то есть представляет собой аналог процесса инициации). Перед героем открывается безграничный мир, по которому он может свободно перемещаться, но лишь до определенного времени: рано или поздно наступает момент, когда герой вынужден в силу различных причин (нехватка денег, хозяйственные потребности, желание продать семейную усадьбу и др.) вернуться в рамки семейного пространства, которое, однако, уже потеряло свои защитные функции. Размытие границы между своим и чужим пространством приводит к потере семейным пространством его защитных функций и ведет к духовной деградации или гибели героя. Интересно отметить, что духовная деградация не затрагивает героев, находящихся в **дороге** (то есть героев-путешественников). Так, например, пространство внешнего мира не представляется опасным динамичному, вечно странствующему по России и европейским странам рассказчику из «Благонмеренных речей». Перемещаясь из одного пункта в другой, он отмечает всеобщее падение нравов и духовную деградацию персонажей, находящихся в статическом состоянии. Лишь на короткое время посещает он собственное семейное имение; но вскоре, осознав, что жизнь в нем невозможна, покидает семейное гнездо, вновь приобретая статус вечного путешественника, не уживающегося долго на одном месте.

Таким образом, мы можем говорить о ведущей роли мотива дома в системе пространственных мотивов М. Е. Салтыкова-Щедрина 80-х гг. Мотив дома может выступать как инвариант по отношению к мотивам гроба и тюрьмы. Он находится в оппозиции по отношению к мотиву сада (дом – вырождающееся пространство, пространство смерти и энтропии, сад – пространство сво-

боды, покоя и счастья). Мотивы дома и границы находятся в отношениях смежности: мотив границы формирует оппозиции «дом – внешний мир» и «дом – сад». При этом размывание границы между домом и внешним миром приводит к десакрализации домашнего пространства, между домом и садом – к созданию синкретичного, сходного с идиллическим, семейного хронотопа.

Библиографический список

1. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян [Текст] / А. К. Байбурин. – М., 2005. – 217 с.

2. Доманский, Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте [Электронный ресурс] / Ю. В. Доманский. – Режим доступа: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1147>

3. Жук, А. А. Русская проза второй половины 19 века [Текст] / А. А. Жук. – М., 1981. – 254 с.

4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Благонамеренные речи [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1984. – 640 с.

5. Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М., 2010. – 541 с.

6. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 8-ми т. [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб. – Т. 4: Господа Головлевы. – 2003. – 288 с.

7. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. А–Я [Текст] / Рос. акад., Ин-т славяноведения; отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2002. – 512 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bayburin, A. K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Tekst] / A. K. Bayburin. – M., 2005. – 217 s.

2. Domanskiy, YU. V. Smysloobrazuyushchaya rol' arkhетipicheskikh znacheniy v literaturnom tekste [Elektronnyy resurs] / YU. V. Domanskiy. – Rezhim dostupa: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1147>

3. Zhuk, A. A. Russkaya proza vtoroy poloviny 19 veka [Tekst] / A. A. Zhuk. – M., 1981. – 254 s.

4. Saltykov-Shchedrin, M. Ye. Blagonamerennyye rechi [Tekst] / M. Ye. Saltykov-Shchedrin. – M., 1984. – 640 s.

5. Saltykov-Shchedrin, M. Ye. Poshekhonskaya starina [Tekst] / M. Ye. Saltykov-Shchedrin. – M., 2010. – 541 s.

6. Saltykov-Shchedrin, M. Ye. Sobraniye sochineniy: v 8-mi t. [Tekst] / M. Ye. Saltykov-Shchedrin. – M.: TERRA – Knizhnyy klub. – T. 4: Gospoda Golovlevy. – 2003. – 288 s.

7. Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'. A–YA [Tekst] / Ros. akad., In-t slavyanovedeniya; отв. red. S. M. Tolstaya. – M., 2002. – 512 s.